

Василий Бетаки

ЕВРОПА — ОСТРОВ

Андрей.

Бачукин

Медан

2011.

Василий Бетаки

Европа – Остров

Париж 1981

Редактор выпуска В.ИВЕРНИ

Обложка Я.ГОРБАНЕВСКОГО.

Р И Т М

Библиотека современного поэта

4 rue Michel Vignaud, 92 360

Meudon - la - Forêt, France

Несложно дверь сорвать с петель -
Труднее подобрать отмычку,
Сменить привычку на привычку,
Поверить, не впадая в хмель,
Что тянется еще апрель,
Что август не поводит бровью...
Что ж, продолжай, зови любовью,
Качай пустую колыбель.

А ты? Давно уж сел на мель
И чиркаешь сырые спички,
На службу ходишь по привычке
И тянешь ту же канитель,
И все надеешься досель:
А может что-то не истлело?
Тащи свое пустое тело,
Качай пустую колыбель!

Там, где летел на клевер шмель,
Кустарник трактором изранен,
И в алюминиевом тумане
Давно не трель слышна, а дрель.
Ольшаник забивает ель,
Шакалам уступают волки...
Мости никчемные проселки,
Качай пустую колыбель...

Кого за тридевять земель
Качаешь ты, слепая Лия?
Мы - далеко... Не спи, Россия,
Качай пустую колыбель!

Е В Р О П А - О С Т Р О В

Ф У Г А

Памяти А.Галича.

А скрипка вопит в переходах метро,
Играет венгерку мальчишка лохматый,
И в шапку - чуть брякнув - то зло, то добро,
То смерть, то любовь, то взгляд виноватый.
И плачет смычок в лабиринтах подземки,
О чем-то никчемном еще беспокоясь,
Когда по кольцу, пяля желтые зенки,
Забыв остановки - взбесившийся поезд...

И каждые, каждые сорок минут
Вся серия станций опять повторится,
Все в том же порядке, те самые лица,
И те же стопкраны бессмысленно рвут...
Кольцо - без концов. Состраданье - старо.
Ни улиц, ни смеха, ни ветра, ни горя -
Есть просто взбесившийся поезд метро,
И вовсе за ним никаких аллегорий.

И скрипка вопит в переходах метро,
Вопит, как болотные выпы в России -
Не жилы воловьи, а нервы людские
Кричат, как расплавленное серебро!
Тот белый смычок в перехлестах реклам
Их наглого крика и мельче и тише...
Тебя не раздавят, но и... не услышат,
Хоть руку смычком распили пополам!

А поезд несется все тем же маршрутом,
И некому стрелку - ну хоть бы в тупик!
И кто-то не хочет, а кто-то привык,
И плечи одеты, и души обуты.
Там сверху - дома, магазины, бюро...
Что - сверху? Нет верха! Там - тоже подполье!
Ты свыкся, ты смялся с навязанной ролью,
А скрипка вопит в переходах метро...

О, нет, не устанут цыганские струны,
Корявые луны и ветер ничей,
В афишном удушьи бессмысленно юны
Лесные перуны басовых ключей,
И пляшет на кафелях ломаный свет
Под смешанный запах дождя и камелий,
Резины горелой, порубленных елей,
Дерьма и Диора, блядей и газет...

А там - минотавра железная выя
Нам в души гудит, как в пустое ведро,
А люди все мимо спешат, как живые,
А скрипка вопит в переходах метро
О тех, кто засунут в летящий без цели
Скрежещущий поезд, кружащийся век,
Которым не метры, а сотни парсек
До каждой мелькающей лампы в тоннеле...

А скрипка вопит в переходах метро.
Не струны так рвут - парашютные стропы,
Так - болью в подполье, в пещеру циклопа
Вываливается живое нутро,
Не струны так рвут, а рубаху враспах,
Не жилка смычковая - нож гильотины,
Так лопаются при пожаре картины,
Так сам над собой измывается страх...

Но прет минотавр. Состраданье - старо.
Рубильники ржавы. Вагоны - по кругу.
В подполье Европы - железную фугу!

А скрипка царапает своды метро...

Париж. 20 декабря 1977.

СНЕГ В ПАРИЖЕ

Ночным десантом, саранчой, над каждой лужей,
Над эйфелевой каланчой, над углем кружев,
На зеркала, на фонари в ночи речистой
Белея падали в Париж
Парашютисты.

И возле каждого кафе заложниц брали,
В чертовок превращая фей,
Чтобы не ввали.
Снег предлагал антистриптиз,
Привычки руша,
Ломился чистотою риз
В чужие души,
Он верил только сам себе.
О, как бесстыже
Хозяйничал в чужой судьбе
Тот снег в Париже!

Рябил чернильный сон воды, бродил садами,
Морозил груди и зады в кинорекламе,
Как пьяный гангстер ослеплял автомобили,
Химерам пасти залеплял - чтобы не выли!
Хоть час - да мой!
Хоть до зари - грязь будет белой!
И старым липам в Тюильри прически делал...
Людовик, бронзовый старик, не веря в утро
Надменно пудрил свой парик неверной пудрой.
А завтра - завтра хоть потоп все к чорту слижет,
Зато сегодня он, зато... Он - снег в Париже!

Снег, сотрясатель бытия афиш и спален,
Он был - мой брат, он был, как я, парадоксален,
Как знак 13 на часах, как в Ницце лыжи,
Как хиппи в Муромских лесах,
Как... снег в Париже!

БУКИНИСТ

Пахнет пылью "*belle époque*",
Позолотой, кожей старой...
Посреди земного шара -
Ни ларек, ни сундучок.
На щербинах парапета
Ящик с книгами повис,
Сел на стульчик букинист
Над безумием планеты...

На мосту - шарманка... Там -
Шляпы с перьями и шлейфы,
И четвероногий Эйфель
Догоняет Нотр Дам.
Ох, четвероногий Эйфель!
Врет, что он - земная ось.
Мир - хоть оторви да брось:
Ни колумбов нет, ни лейфов,
Все под переплет ушли...

Закрывается планета:
Там, где букинистов нету
Там - окраина земли,
Небоскребы да могилы,
Где-то взрывы, грабежи,
Где-то вовсе ни души,
Где-то очередь за мылом,
Хриплых двигателей свист,
Дипломаты да пожары...

Посреди земного шара
Умер старый букинист.

Уходит женщина во мрак.
Безлюдный мост. Пустой кабак.
Не знают стекла почему
От них она идет во тьму.
Зачем так злобен за спиной, -
Лишь обернуться, - свет стеной,
Но в зеркалах открытий нет...

И лучше в спину этот свет,
Чтобы глаза наелись тьмой
Над набережную немой,
Чтоб чудился в каштанах свист,
Чтоб фары черные цвели,
Захватывая желтый лист -
и прочь. Туда. За край земли,
Где сон еще не так пуглив,
Где ясно, что несправедлив
Тот мир, в котором просто так
Уходит женщина во мрак.....

" ЭСКАЛЬ"

Сто ступенек в глубину, не менее...
В тесном, тесном, тесном кабачке
Дышут паром
Бубен и гитара,
Пышет жаром
Свет на шашлыке.

Девка-пешка, склеивай, не мешкай!
Бубен и гитара - как во сне...
Жестяная
Черная усмешка:
Вицли-Пуцли
В подвале на стене.

Танцы в склепе -
Есть ли что нелепей?
Тренди-бренди обжигает грудь...
Тот железный
Представитель бездны
Каждой паре
Может подмигнуть...

Задом, задом -
Ведь кому-то надо?
И на трехэтажной глубине -
Полномочный
Представитель ада -
Вицли-Пуцли
На каменной стене.

ОБРАТНАЯ ПРИЧИННОСТЬ

У круглой башни
 Консьержери,
В воде расквашены
 фонари.
Антуанетта
 глядит в окно:
Парижа нету,
 в воде - черно.
Тиха стихия
 без"высших мер":
Листы сухие,
 да хрип химер.
То факел бьется,
 то - ночь слепа...

Потом ворвется
 в тюрьму толпа,
Ворота - грудью в булыжный двор!
Веревки - судьи, нож - прокурор!

Жесток и жуток
Париж в ночи,
И проституток
Ждут палачи.
Годна в кассандры любая сводня:
Причины - завтра, башку - сегодня!

Обратным шагом
 весь мир творится:
Из книг - бумага,
 из фильмов - лица,
А из Адама наделать глины
Готова яма и гильотина.
Суд - это завтра,
А нынче - крак!
Причины - завтра,
А нынче - так.
Судьба готова -
 привычный ход

СОНЕТ

Ивану Елагину.

На площадях танцуют и казнят,
Я мог бы так начать венок сонетов...
(И.Елагин)

На площадях танцуют.И казнят
Тех,кто со всеми заодно не пляшет
Стихи он пишет,или землю пашет -
Ату его!Не друг он и не брат!
Он - волк тамбовский,как ему твердят
Те,кто ногами в общем ритме месит,
И все равно они его повесят -
Не через год,так век тому назад.

Причин и следствий временных не зная,
Так логика резвится площадная,
Да вот беда - мне все не до нее:

Грозятся роботы,сулят Косую,
А я пока по-своему танцую,
И бубен мой еще твердит свое...

"Он не заслужил света, он
заслужил покой..."

М. Булгаков.

В. П.

"Спи, спи - дождик идет "
Грустная нежность, каменный свод.
Средневековый Париж за окном
Пахнет жаровней и кислым вином,
Серые камни висят, как века,
Мягко глаза прикрывает рука:
"Спи, спи - дождик идет..."
Втиснулся в улочку бледный восход.
"Света не будет, но будет покой..."

Я бы поверил, да век не такой:
Слышишь - в России Россия не спит,
Слышишь - охрана по снегу скрипит,
Кто-то ареста и обыска ждет!
"Спи, спи - дождик идет..."
Тихо по мелким квадратам окна
Катятся капли сожженного сна
И заикаются колокола,
Словно бы ночь и сама не спала,
Словно шептала всю ночь напролет:
"Спи, спи - дождик идет,
Света не будет, но будет покой:
Мы ведь в шестнадцатом веке с тобой..."

Я бы поверил...

- Ну что ж ты молчишь?

Видишь, я спутал Москву и Париж...
Видишь - швейцарец сменяет стрельца,
Скаред-Людовик сбегает с крыльца,
Свечка не гаснет, Малюта не спит,
Рядом корявая дыба скрипит,
Слышишь - бургундец в подвале орет...
"Спи, спи - дождик идет..."

МОРЭ

Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна.
А. Блок

Захлопнуть дверь и оказаться
В средневековом городке,
Где пятки мокнущих акаций
И стены крутятся в реке.
Из четырех надвратных башен
Которая глядит куда?
Во все ворота путь не страшен,
Под всеми стенами вода...
И никого не спросит осень
Зачем забрел, когда - назад...

Все оттого, что каждый носит
В себе свой соловьиный сад

Я рвусь через его ограду,
Осенним журавлем трубя,
Мне - только дальше бы от сада
И от себя.
А ты - в себя,
В себя тропинкой-недотрогой...
Ну как столкнуться нам с тобой,
Когда в себя - одной дорогой,
А от себя - совсем другой!
И что за чортовы качели:
Один - туда, другой - сюда...
В себя уходят еле-еле,
А от себя - так никогда!
Зачем булыжные дороги,
И четверо ворот к чему?
В себя уйти дано немногим,
А от себя - так никому.

ПАРИЖ ЦЫГАНСКИЙ

Спят хиппи у забора, в Курбеуа - конторы,
На Монпарнассе тоже, наверно, кто-то спит.
Не спят одни цыгане в дырявом балагане,
И маленький козленок за девочкой бежит.
Ах, ты ее не видел? Ах, ты ее не знаешь?
Ну что ж, поставь будильник и окна раствори -
За мордами Конкорда в клочке зари поймаешь:
Козленок Эсмеральды пасется в Тюильри!

В бетонных стоезатях, в проклятиях асфальта,
В снобических трущобах шестнадцати веков,
Гуляет по Лютеции козленок Эсмеральды
И рожками курочит рекламы дураков...
Не клерки и не хиппи, не фавны и не мавры -
Козленок Эсмеральды - о, дайте только срок! -
Порушит ваши кухни, потопчет ваши лавры,
Игрушечным копытцем языческий пророк!
Какие там химеры! Париж устал от воя,
Он фарами исхлестан и на века пропах
Резиной и бензином, отравленной травой,
И общество устало держаться на столпах...

Что ж, греческое - вольно, французское - манерно,
Российское... А если - все снова - от нуля?
Так может быть - одно лишь цыганское безмерно?
Цыганскую планетой останется Земля?
И разве термидора не стоят иды марта?
Машины мертвым стадом застыли до зари...
Козленок Эсмеральды гуляет по Монмартру,
Козленок Эсмеральды пасется в Тюильри!

Ты за что и кому свою тишь подарил?
Прменял на веселое ауто-да-фе?
Ты на ключ вологодские дебри закрыл,
Приучился писать в бесконечных кафе,
Где бордовые тенты - в глаза, как плакат...
Хорошо, что всего лишь о пиве вопят!

Не газетная дурь, так рекламная дурь,
Но примерно с таким же количеством бурь -
Не в стакане воды, так в стакане вина...
А листва у платана и клена - одна.
Тут почти двести лет, как величества нет.
Оттого ли, что слишком уж много газет,
Или столько различных газет оттого,
Что над ними давно уже нет никого?

Тут причинами следствия стали давно.
К ним единственной рифмой осталось...но, но!
Точно так же, как рыжим считают Париж:
Это - тоже для рифмы, он вовсе не рыж!
Крыши тоже рифмуем...

а, впрочем - Москва:

С ней рифмуют не цвет, не предмет, а слова!
Рифма стала причиной, и следствием - мысль...
Что ж, валяй, как французы, от рифм откажись -
Ведь по сути, мы только о том и кричим,
Чтоб остались причины в разряде причин...

Три обезьяньих божества
Прикованы к одной цепи.
В ночи, когда молчит трава,
Смотри - на цепь не наступи!

Они висят к стене спиной.
Вот этот глух, а этот - слеп,
А этот - нем.

А за стеной
Мир гулок, светел и нелеп...

Лес шевелился, как вампир,
Река брела своей тропой.
Глухой глядел сквозь черный мир
И слушал тишину слепой,
Их деревянный мир был пуст,
Но что-то было вне его,
И не отняв руки от уст,
Молчало третье божество
И только цепь была виной,
Что этот глух, а этот слеп,
А этот нем, а за стеной
Мир гулок, светел и нелеп...

Но лопнула однажды цепь.
Немой по прежнему молчал,
И только тот, который слеп,
В ночи от ужаса кричал,
Но не слышал его глухой;
И тихо плакал третий бог:
Он - зрячий, чуткий, но немой -
Все знал, и высказать не мог...

Смотри, на цепь не наступи,
В ночи, когда молчит трава.
К одной прикованы цепи
Три обезьяньих божества.

ТИРРЕНИЯ

По черно-зеленому морю
Ночь к берегу гонит косо
Гневных тритонов гривы
И платиновые косы,
Тритоны трубят тревогу:
Из тьмы подводного сада
Пригнувшись вдоль волнолома
Бегут седые наяды.

За то, что морские тайны
Однажды открыть посмели
Тому, кто живым вернулся
Из их подводной постели,
За то, что к лестнице лунной
Они привели Энея -
Чем ближе бегут они к скалам,
Тем седина белее...

И в черной заре прилива
Косматым, девятым валом
Нептун довершит изгнанье
Познавших любовь русалок:
Их жадный песок сглатает,
Уверует берег сонный,
Что будет дано песчинке
Зажечься звездой зеленой...

А днем это - просто море...

РИМСКАЯ БАЛЛАДА

Шоссе пестрит, как черновик.
Мотоциклист мелькнет размыто,
И рыжим пластиком прикрыта
Физиономия-балык.
Лиловых выхлопов парик...
Но что там - стрижено ли, брито?
Синьор? Старуха? Синьорита?
Мотоциклетный шлем безлик!

Свирепый двухколесный бык
Рога в закат воткнул, как пики,
И тонет в мертвом, злобном рыке
Вечерний голос базилик
Стекло швырнет мгновенный блик,
И окна станут множить блики...
Столбы, дорога, век - безлики,
Мотоциклетный шлем безлик.

А мы как прежде - чик-чирик -
Сидим в своей стеклянной Трое...
Но будет действие второе
И Шлиман сроеет Гиссарлык.
Раскопщики подымут крик,
Когда он что-нибудь откроет.
Ахиллов шлем? Да, нет - пустое:
Мотоциклетный шлем безлик...

Что тут поделаешь, старик?
Ты ошибешься непременно -
Кто тут Парис, и кто - Елена:
Мотоциклетный шлем безлик...

ВЕЧЕР

Аппиева дорога,
Лавровая зима.
Аппиева дорога -
Римская Кольма.

Пореем да жареным салом
Несет на третьей версте.
У крестов - конца не хватало,
Распинали на букве "Т"

От устриц и от лимонов
Отбросы закат золотит?
Нет, медные легионы
Отдыхают на камне плит.

Рим загорается сзади,
И ясно, что Страшный Суд
В траттории "*Quo vadis?*"
Где макароны жрут...

ТИВОЛИ
(вариации)

*В руинах виллы Адриана,
В глуши некошенной травы,
Хранят извилистые львы
Остатки плоского фонтана,
Волна холодного тумана
Сползает с тихих крыл совы
В руинах виллы Адриана.*

*Сползает с тихих крыл совы
Кривого месяца огарок
На кирпичи подпружных арок
И тьмой замазывает швы.
Вот - оживут зубцы и рвы,
Туман, невлажен и неярк,
Сползает с тихих крыл совы.*

*Волна холодного тумана -
Дыханье варварских богов -
С гиперборейских берегов
Катилась медленно и пьяно.
Вот - расплясалась обезьяна
На трупах мраморных врагов -
Волна холодного тумана.*

*Остатки плоского фонтана,
Подобие сковороды...
Тысячелетья нет воды
На бронзе черного чекана.
В сухом свечении Урана
Не ждут ни счастья, ни беды
Остатки плоского фонтана...*

Хранят извилистые львы
Тугие афоризмы Рима:
Что все на свете повторимо,
И то, что рыба - с головы,
И то, что истина - незрима...
Но мусор высохшей листвы
Хранят извилистые львы.

В глуши некошенной травы
Лежат латинских слов обломки,
И спотыкаются потомки,
Но не теряют головы,
У них мозги не слишком емки,
Они с античностью - на Вы
В глуши некошенной травы.

В руинах виллы Адриана
Сползает с тихих крыл совы
Волна холодного тумана,
Остатки плоского фонтана
Хранят извилистые львы
В глуши некошенной травы
В руинах виллы Адриана.

ПИСЬМО М-РУ ШЕРЛОКУ ХОЛМСУ

На Бекер-стрит, когда-то тихой и пустой,
На Бекер-стрит я не нашел квартиры той...

Ах, белый город, кто наврал про твой туман?
Колонны лепятся и лепятся к домам.
Викторианские колонны без числа -
Весь прошлый век их эта курица несла...
Эх, мэрри Ингланд, как поместится в строку
Чугунный Черчилль, чуть припавший на клюку,
Когда над ним, сквозь контрофорсов кружева,
Торчит кубического Бена голова?
На Бекер-стрит, когда-то тихой и пустой,
Двадцатый век остановился на постой:
Вдоль троттуаров - словно кладбища машин,
И кэбу некуда подъехать - все спешим!
Или в Вест-Энд, где в низких улицах цветы,
Вы переехали от этой суеты?

На Бекер-стрит, теперь действительно пустой,
Ни Вас, ни Вотсона, ни старой дамы той...
А у меня остались трубка и халат.
Вот только скрипка - не умею, виноват!
Все изменилось - и моя ли в том вина -
Магнитофонные настали времена.
А баскервильский дог - он в пудели пошел,
Глядит умильно и хвостом стучит об стол,
И вскинув ногу, льет презрение свое
На трафальгарское чугунное литье...

На Бекер-стрит, когда-то тихой и пустой
Остался в воздухе черемухи настой,
Осталась в Гринвиче зеленая вода,
И клерки - тоже - не девались никуда.
Они твердят, что Конан-Дойл Вас сочинил:
Мол в старой Англии достаточно чернил!
Они твердят, что не найти мне Вашу тень...
Но Мориарти ж я встречаю каждый день!

Когда Каноссой обернется Мекка,
Кремлевская - китайскою стеной,
И станет для Иакова Ревекка
Презренной танцовщицы площадной,
И с фонарем войдя в кабаk ночной,
Там Диоген отыщет человека,
Который просто чувствует спиной
Морозец недорезанного века -
Тогда...

А кто нам скажет, что - тогда?
Водой не перестанет быть вода
И хлебом - хлеб. Но мы - не так надежны:
Не мир меняется, а наша суть -
Кусочек завтра повезло стянуть -
И рай с доставкой на дом!

Осторожно!..

"К священной жертве Аполлон..."
/ А.С.Пушкин/

Пока не требовал поэтов
Сержант милиции,
Казалась им Европа эта
В руках синицею.

Когда же в нос им лез жестоко
Кутузки запах -
Билет до Ближнего Востока
Их вез на Запад.

В леске общипанном и ржавом,
Где хиппи ссали,
На языке чужой державы
Стихи писали...

Вот так и начиналась - рядом,
С бумажной лавки -
Всесветная гофманиада
В прочтеньи Кафки.

Какой ты хочешь быть, Россия?
Россией Ксеркса иль Христа?
/ В.Соловьев/

Туманен бег варяжских парусов.
Листву веков срывал порыв норд-оста.
Года сжимались в горсточку часов,
Европа - в остров...
Где пламя над чугуною водой,
Где молятся васильевские ростры,
Еще свистит балтийский ветер: "Стой,
Европа - остров!"

У скал бретонских, на краю земли
Гранит закатом пенистым исхестан,
и в облако уходят корабли:
Европа - остров!

А там, где медь подмешана в закат,
Где часа ждет Батый - над степью плоской
Уже кривые гривы туч летят,
Летят на остров!

Бог Света! Озари и помоги
Не множить на земле погостов,
От караван-сараев сбереги
Твой Остров!
Бог сечи! Если нет судьбы другой -
Не дай жиреть беспечности бескостной:
Уже в российский берег бьет прибой -
Европа - остров!

АМЕРИКА

Посреди заболоченных рек,
Между кленов - разлапистых рук
В парике восемнадцатый век
И глухой пуританский сюртук.
Бесконечные злые леса
Ядовитым плющом поросли,
Заглушает молитв голоса
Страх лесной - не коснуться земли.

Въедут в лес - и в машине сидят,
И не смеют с дороги сойти,
И асфальтовой пленки парад
Держит их под стеклом взаперти.
Словно чуя, что все еще тут
За ветвями враждебный вигвам,
Осторожно и робко ползут
Кадиллаки по серым холмам.

И глупа их никчемная мощь,
Лихорадочен хромовый блеск
Средь беременных стрелами роц,
Где ветров нескончаемый плеск.
Это - призраки длинных машин
От поселка к поселку скользят...
Но за что в этой странной глуши
Их щадит зеленеющий ад?

Так живут, словно завтра падет
Ненадежный досчатый мирок,
И к пустыням фургон поползет,
За спиной оставляя Восток.
Так живут, словно только вчера
Швартовался тут "Майский Цветок",
Так живут, словно только с утра
Строить начали свой городок,
И косой колоколенки взлет
Молча молится Господу Сил,
Чтоб всему вопреки сохранил
Осажденный лесами народ.

К И Т Е Ж

К И Т Е Ж

1

Скрипела степь намазанною тучей,
Свистела плеть,
И в мертвом лунном холоде над кручей
Блестела медь...

И Китеж, может быть один на свете,
Почуя ад,
Сквозь гул копыт и сквозь восточный ветер
Гудел в набат.

Летел сигнал о срочном погруженьи
Со всех антенн,
Но сонный мир остался без движенья,
без перемен...

До волдырей веревкой колокольной
Я руки стер,
Но мир еще молчал самодовольно -
А срок истек.

И словно рубки, рубленные башни
Помедлив миг,
В сомкнувшейся воде сверкнули страшно
Под чей-то крик,

И ночь над Светлоярм раскололась,
И лес притих,
Но эхом от луны катился голос
Подводных позывных,

И падало тяжелой тучи тело
На сонный мир,
Как на скелеты звонниц опустелых
Вороний клир...

В терему сидишь одна...
 Слышишь колокол со дна
 Через толстое стекло многоцветное?
 На закате в лебеду,
 В лебединую беду
 Твое время уйдет неприметное...

А ведь били в било вести
о майданнике злом,
 А ведь было, было место
у меня за седлом!

Да махнула рукой: в терему, мол, своем
 Затворю окно,
 Засвечу огонь,
 Высоко над землей, над златым шитьем
 Скоротаю век - и на что твой конь!

Только в тереме темно,
 Не поет веретено,
 Золотое шитье на скамье лежит,
 А кровавый закат на стене дрожит:

Твои ражие, пригожие брательники -
 Кто в стремянные к баскакам, кто - в котельники,
 Кто в швецы пошел к татарам, кто - в хамовники,
 А кто - храмы перестраивать в коровники...
 Не белить холсты,
 Не курить вина,
 Ох, недолго ты
 В терему одна,
 Коли родичи толпой наперебой
 Держат ханам золотые стремяна!
 Что ж ты, колокол-чудак,
 Манишь Китежем:
 Близок локоть, да никак
 Не укусить уже...
 Хоть русалкой стань,
 В Светлояр нырни,

От лихих татар,
От постылой родни -
Не возьмет волна,
Не снесет до дна...

Ты от сна до сна
В терему одна.

3

... В воду глядятся
Сто городов...
Экую силу
Стен возвели:
Белый Кириллов,
Спас на Нерли,
Псковского Крома
Башни - в воде...

Китеж - бездомный.
Китеж - везде!
Сколько в России
Светлых озер,
Столько раз Китеж
В воду ушел.
Град потаенный -
В волнах , а над
Плесом - беленый
выторчал ад:
Над Соловками
Свищет пурга,
Стрелами в камень
Хлещет шуга,
Сколько в России
Есть берегов,
Столько взрастили
Там Соловков...

Китеж пропавший,
Голос печальный,
Белые башни
Словно платками
В зыби под ветром
Взмахом прощальным...
А над водою -
Рыжее пламя!

Флагом позорным
Пламя взвьется -
Колокол бьется
В толще озерной!

Град погруженный
Пламя не тронет -
В пламени стонет
Град отраженный.
Справа и слева
Пахнет пожаром
Алое небо
Над Светлоярм!
Острые брызги -
Как стрелы в камень.
Алое небо
Над Соловками.

4

По камням, по прибрежным раkitам
Прошуршал суховей.
По корням простучали копыта
Азиатских коней.

Простучали со свистом и смехом,
И заглохли в ночи...
Если боль откликается эхом -
Что ж, теперь уж молчи!

За околицу выдь осторожно,
Сон рабов не нарушь
Веткой хруснувшей, стуком тревожным
Опадающих груш...

Сядешь, ноги поджав на лиловом
Валуне...
Будут мягкие плечи в суровом
Полотне...

И сквозь воду, как будто сквозь годы
С колокольни на дне
Разгляжу силуэт на лиловом
Валуне...

Но поверхность воды чешую
Серебря и гоня,
Лунный отсвет зеркальной стеною
Заслоняет меня:

Хоть глаза прогляди - только воду
Видишь ты пред собой,
Даже в лунную эту погоду -
Только отзвук глухой,

Только колокол мой приглушенный.
А из чащи лесной -
Злобных филинов смех похоронный
Над твоей тишиной...

5

Н.Н.Р.

В граде Китеже, в граде Китеже
На безлистом илистом дне...
Погодите же, погодите же:
Слышен колокол в тишине!
В граде Китеже, в граде Китеже,
Где намокла дневная мгла,
Не разбить вам, не заглушить уже,
Не достать вам колокола!

И когда забудет о розовом и нахмурится верх лесной,
Над изломанной
Гладью озера
Станет ветрено
Под луной,
И стеклянные волны призмами
Вновь подставят бока лучам ,
Мы - не призраки - но как призраки
Подымаемся по ночам!

За сараем в собачьем лае
/Мол,хозяин,возьми с собой!/
Мы опять вороных седлаем,
И опять - в безнадежный бой!
Крепко взнуздываем надежду и накидываем плащи,
И выходим на берег между
Двух осин - и ищи свищи!

Ну а в Китеже, ну а в Китеже ночью молятся и о нас:
Разбудите же, разбудите же хоть кого-то на этот раз!

И когда поезда гремящие обогнав нас трясут мосты,
Разгляди что мы настоящие, что совсем такие, как ты...

Тонет звездный свет
В гриве лошади,
Старый дуб в ночи крутит ус...
Дай мне, Господи,
Крошку прошлого -
Я пойму теперь его вкус...

К дому дом, ощерившись, лепится, словно вздрагивает во сне.
Перепуганные троллейбусы прижимают уши к спине,
По асфальту, где окна спящие
Не расслышат копытный гром,
Мы проносимся - настоящие -
И скрываемся
За углом:
Отряхните же, отряхните же наважденье на этот раз!
Мы - из Китежа, мы - из Китежа,
Мы сегодня разбудим вас!

Заблудиться в пятиэтажии, до утра не найти свой дом,
Где всеобщую распродажу вам грозят за каждым углом,
Где на улицах и вокзалах
В кумаче - ордынская вонь,
Где в церквах гаражи, пожалуй, потому, что не в моде конь...
Вы не младше нас и не старше нас,
Так не плюйте в нашу тоску,
Не умели мы под татарщиной,
Не хотели в аркан башку!

Души съедены, сосны спилены, вместо птичьего - свист
хлыстов...

Оттого-то и затопили мы
все - от папертей до крестов,
Затонули мы вместе с Китежем,
И поэтому - вас живей!
Отворите же, отворите же, вот мы спешили у дверей!
В ваших комнатах, в ваших комнатах,
Там где страх, как столетье стар,
Мы напомним вам, мы напомним вам,
Все, чем жили вы до татар,
И о Китеже, и о Китеже, ибо мгла его - не смогла...
Ну проснитесь же,
Ну, очнитесь же,
И услышите
Колокола!

С.Л.

Острова на Шексне уплывают во сне,
Зарываясь в белесый рассвет.
Ветер - словно пловец в листе...

И уходит паром в тишину, а потом -
Только буркнет мотор...
Я ня знаю, где небо, где лес, где Шексна...
Пять парней на пароме и с ними - одна...
Почему не в кокошнике?
Этот берет...
Здесь - он раньше, чем нужно на тысячу лет!

А паром не плеснув нас везет за Шексну...

Будут версты лесные, колдобины серых дорог,
И Кириллов, как Китеж всплывет из озерных зеркал,
Это будет потом.
А пока я от ветра продрогу,
На подгнившие поручни зябко ложится рука...
Скоро эти мгновенья размоет Шексна...

Пять парней на пароме и с ними - одна.

А на ней - не кокошник, не летник...
Пальто
Пестровато сливается с фоном осенних коринн...
Острова по Шексне уплывают во сне.
Над паромом горит георгин...

З.А.

Писать стихи на птичьем языке,
Мотаться по дорогам, и скорбя
О крыльях / пусть хоть мельничных, но крыльях/
Искать не адекватна, а себя?
Чтоб озарил в Святых Горах закат
Фигурку пилигрима с рюкзачком,
Того, который встреченные души
Расспрашивает птичьим языком,
Который ищет Китежа на суше,
И думает, что возникает град
В ночах из волн озерных, что закат
Отменно ясен: башни облаков
Дрожат в воде, и все - мираж, и только...

Мираж? А я? А ты сама? А все мы,
Все, кто коням татарским жилы режет,
Незримо исчезая под волнами,
В толпе рабов,
Или в чужих краях?
Все, кто Россию прячет в глубине,
Куда монгол - будь он хоть с аквалангом,
Нырнуть не может...
Кесарь или хан
И кесарева получить не в силах:
Он сам давно мираж!
А Китеж - вот он -
В два голоса гудит:
Набатной медью
И вечевой!

От Китежа до Петербурга -
Совсем не так далеко:
Следи за полетом окурка,
Брошенного в Неву...

От Лондона до Атлантиды
И вовсе рукой подать:
Гулкий Биг Бен обиду
Колышет в желтой воде...

Говорят, Венеция скоро
Будет на дне морском...
Лев Святого Марка,
Отращивай плавники!

Да только зачем - об этом?
Все-таки мне никак
Не нравится быть поэтом
Тонущих городов...

ХРАМ НА КРОВИ

Затейливою вязью Византии
Духовная одета пустота,
И замерла в мозаике затейной
Фигура полумертвого Христа.

А там, из под широкого моста
Не кровь, а просто черную водицу
Ночь гонит белым фонарям в оскал,
И дегтем тянется, и не струится,
И лжет Екатерининский канал.

И оплели внимательные пути,
Как провода сон черный и густой,
Кровь продали на донорские пункты,
И пестрый храм стоит над пустотой...

МОНОЛОГ АЛЕКСАНДРА ВТОРОГО

Что тут скажешь - где ни кинь, всюду клин,
Ибо между двух огней броду нет:
Либо темных салтычих батоги,
Либо выгнанных поповичей бред...
Щучьи зубы отрастили себе
Николаевских времен караси,
И досталось мне - в насмешку судьбе -
Быть последним крепостным на Руси!

Или вся моя победа - беда?
Или земства не подмога земле?
Потянулись мужики в города,
Поварить себя в фабричном котле.
Осыпаются бесхозно хлеба -
Хоть чиновников в деревню проси...
Уникальная царева судьба:
Быть последним крепостным на Руси!

Кто купец теперь, а кто дворянин?
Покупают, продают за глаза,
От людей не отличишь десятин,
Вся страна - один великий базар,
Не торгуются, а кто сколько даст...
Разорались - хоть святых выноси.
Лорис-Меликов меня не продаст?
Я ж - последний крепостной на Руси!

Вот и связан по рукам и ногам,
Эх, безумцы, кто туда, кто сюда,
Те вернуться норовят к батогам,
Ну а эти - все делить без труда...
Хоть молись тут, хоть из пушек пали,
Хоть на всю святую Русь голоси!
Мне б - свободу /без земли!/ ... от Земли...
Я - последний крепостной на Руси...

Что было вчера - да не будет сегодня.
Смещает Европу времен панорама.
Гоните баранов из Дома Господня,
Но прежде - гоните торговцев из Храма!

Не мир Он принес вам, принес разделенье
Овец от козлиц и святыни от срама.
Нелепо винить целиком поколение -
Уж лучше торговцев - подальше от Храма.

В масштабе страны расстояние ничтожно
От зава до зама, от хана до хама,
Нет, степень вины измерять невозможно,
Всех вместе торговцев гоните из Храма!

Менялы как медью играют границей:
Закрыли для мысли, открыли для хлама,
Закрыл для Писанья, открыл для пшеницы...
Довольно! Гоните торговцев из Храма!

Не листья шуршат, нет - вздымаются корни
Евразии - от Соловков до Сиама...
Кто врет, что она от природы покорна?
Не верьте! Гоните торговцев из Храма!

Ну что ж, если зло от добра не отрезать?
Отшитый от Шивы беспомощен Брама...
Но словом, кнутом, но огнем, но железом
Гоните, гоните торговцев из Храма!

ПИТЕРСКИЕ ИДИЛЛИИ

1. НАБЕРЕЖНАЯ

В пустоте почерневших каналов
Ты искал отражение свое,
Но дождливая ночь распинала
Неоправданное бытие.

Словно ящеры, ждущие хлеба,
Гнулись черные краны к воде,
И вертелись то вправо, то влево,
Чтобы небо на шею надеть.

Ты встречал в переулках нелепых
Истомленные лица людей,
И ложились усталое небо
На лиловый асфальт площадей,

И ложились усталые платья
В темноте на чужие ковры,
Лишь тогда забывались проклятья
До неверной, рассветной поры,

Лишь тогда в глубину истязанья
Проникали живые слова,
И казалось - взорвется молчанье
И сквозь город прорвется трава...

Но дворцы были сонны и слепы,
Ты напрасно им в очи глядел,
И гранит, почерневший от гнева,
напрягая, как трещины, нервы,
Промолчал и собой овладел...

2. С А Д

Молчанье - серая сова.
Во мрак души глядят слова.

На травах - черная роса.
Из темноты звучат глаза.
Хохочет тень ее в ночи,
А крылья хлопают: "Молчи!"

3. К О С М О С

Все сочетанья слов, метафоры, сравненья
Летят в тартарары! И в горле и в судьбе
Уже клокочет гул, уже пришел в движенье
Глубинных лав поток - тревога о Тебе.
Нет больше тихих слов, что сами по себе
Звучали красочно, свет сопрягая с тенью:
Тут не до мастерства, когда через мгновенье
Архангел яростный потянется к трубе!

Планеты вздыблены и мертвые встают.
Обычная любовь страшней, чем Страшный Суд.
Молчаньем черных солнц раздавлены квазары,
Галактики трещат, как ток на молотье:
Смахнув как мух с лица все войны и базары,
Вселенная вопит в тревоге о Тебе.

4. Г О Р О Д

Цвета поменялись ролями. И скверы -
Как перед прыжками притихшие барсы.
По скверам, обычно зеленым и скрым,
Краснеют кривые кустарника Марса.
И кроны деревьев - кровавые флаги,
А флаги - листы перемятой бумаги.
И соловьи соловеют:
Не запеть бы вдруг по ошибке,
Все живое мертвеет,
И тогда оживают машины:
Скалятся "волги!"

Хромированными зубами -
Черные волки
Готовятся к милой забаве...
Стылое небо
Асфальту свою синеву уступило.
Мрачно на юге,
На севере - хулиганит светило.
Ролями меняются стороны света -
Сегодня вверх дном повернулась планета:

Острый шпиль Петропавловки
Буравит ложе Невы,
Кверху лапами падают
В воду гранитные львы,
Смешиваются
Стен квадраты с колоннами,
Спешиваются
Императоры...

Пешие статуи
Становятся конными...

5 П Р О С П Е К Т

В мире торчащем и многоэтажном,
В мире лифтов,электричек и встреч,
Вдруг промелькнет неизбывная жажда
Несберегаемое сберечь.

В городе теплом,спешащем и мокром,
В городе мчащемся наперекос,
Светятся,ждут и не движутся окна
Цвета твоих волос...

Не сохранишь...Так не надо быть страусом.
Прямо в глаза,словно в окна взглянуть...
Что мне за дело,мы правы,не правы ли?
Мне б только ребра успеть застегнуть.

6. З А Л И В

И вдруг поняв: быть архаичной - скучно,
Ночь, отрицая собственную сущность,
Сама бежала от себя, как заяц,
И мучилась, как человек, врезаясь
Сама с собой в конфликт неразрешимый:
Светила в спины мчащимся машинам,
Потом сливалась с парусом швертбота,
Тонула в пене у седого борта,
И черным скалам, не сменившим цвета,
Завидовала, проклиная лето,
За то, что перекраситься пришлось ей,
Что стало не прожить открытой злостью,
И вдруг исподтишка, в бессильном гневе
Изрезала до крови серый север.

7. В О К З А Л

А меня никто не провожает,
Только там, как лик святой, бледна
На платформе женщина чужая
В раме ослепленного окна.

Вниз прямые волосы пролиты,
А над ними - солнце, словно нимб...
То - чужие боги ждут молитвы,
Но не время поклоняться им.

Длинноглазая, не жди моления,
Лик иконный, не гляди в стекло:
Ждал я в нем не твоего явления,
Только чуда не произошло.

8. П У Т Ь

Строчки ушли. Их спугнули, как птицу.
Белая ночь продолжает кружиться.

Белые ночи, никчемны они
Тем, кто не помнит черные дни...

Ибо сова никогда не хохочет
В белые ночи, в белые ночи...

ИЗ - П О Д П Е П Л А

Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?

/А.Блок."Через двенадцать л

1

Посидеть, поразмыслить,
Помолчать, покурить.
Забывать днесь и присно
И не смочь позабыть.

Столько лет летаргии
При открытых глазах!
То звучит литургия,
То какой-то базар...

Как спирали тугие
Завихрялись во мне,
Как мелькали другие
В этом дьявольском сне!

Жадным взором заполнен
Душу им не даю,
Только бедра, как волны,
Жизнь качают мою...

2

Я краду тебя,
Чтобы мокрым лесам
Заплатить за первую медь.
Ведь недаром лист
Прилипал к часам,
Чтобы мне на них не смотреть.

Я краду тебя,
Как дикарь божество,
Чтобы в капищах прятать лесных,
Я краду тебя
У себя самого,
Так, как прежде крал у других.

Ведь за все эти кражи -
Возмездье мне:
Красть во сне,
Отдавать наяву,
И гореть - не сгорать в кленовом огне,
Как язычнику и волхву.

3

В коричневых листьях черешни
Хрустящего ветра шаг...
Благослови нас, грешных,
Святой Иоанн в Лесах!

Глядят со слепую болью
Острые окна твои,
С укором глядит колокольня:
"Кумира не сотвори!"

За то, что завета не слушал
В тот миг, когда жизнь на весах,
Возьми, раствори мою душу,
Святой Иоанн, в лесах.

Не отрекись от боли,
Ибо - зола к золе...
Свою грядущую долю
Я взял уже на земле.

Теперь расплатиться нечем,
Нечем себе помочь -
Полжизни - за этот вечер,
Полжизни - за эту ночь!

Только мгновение мудро.
Не время листве облетать...
Еще полжизни - за утро,
Да где ее, третью, взять?

Когда я один останусь
В желтом лесу твоём,
Когда я осиною стану -
Будут они вдвоем...

Дождь мою крону разметет,
Но им не отдай мой страх,
Благослови их, вечный
Святой Иоанн в Лесах!

4

молитва

" ... и видеть сны?"
/Гамлет/

Господи, дай мне гарантию
Полного небытия,
Убей мою память карательную!
Где она, чаша сия?

Выпью до дна, не морщась,
Но только, чтобы до дна!
Чтобы душа была мертвой,
Чтоб никакого сна!

Каждый обязан вынести,
Да будет воля Твоя,
И все же - молю о милости
Полного небытия!

Вся ночь - из черного огня.
Но эта мгла - светла.
Зачем сегодня ты меня
Вторично родила?
Жена, любовница и мать ...
О, если б - одному!
Я не могу тебя понять,
И потому пойму.

Сцепились ветви крон кривых...
Когда, в каком аду
Сковала эта цепь троих
И повлекла к суду?
И надо одного распять,
Чтобы воздвигнуть храм...
Я не могу тебя отдать,
И потому - отдам...

Мой мокрый лес, мой желтый плеск,
И никого окрест.
Моя голгофа - этот лес,
И этот лист - мой крест,
Трефовый лист - святая масть.
Решай, судьба, я жду...
Я не могу тебя украсть,
И потому - краду.

Строку страдание родит,
Но есть предел такой,
За коим самый звук молчит,
Чтобы не стать строкой.
Светло ли у судьбы в горсти,
В языческом лесу?
Я не могу тебя спасти,
И потому - спасу!

Нет, не смирят эту черную кровь...
/ А.Блок/

И снова битва насмерть,
Как десять лет назад.
Развеивать ненастье
И слова не сказать,
И снова кровью черной
Размыть и побороть
Понятий отвлеченных
Придуманную плоть,
И снова, снова, снова
Летят осколки чаш:
Израненное слово
Врезается в мираж!

7

В узловатых стволах - ледяные дожди,
А в болотах - незримое Зло.
Ненадежные тропы оставь позади:
Только тут у огня тепло.

Зашуршит под тобой сухая листва -
Сядь. Молчи. Это - мой черед:
Не в купальскую ночь доброй волей волхва
Папоротник расцветет.

Мой дикарский язык заклинанья творит,
Чтоб тебя не пугала зима.
Ты видишь: в пещере цветок горит,
Ты знаешь: завтра сама

Изорвешь когда-то сплетенную сеть,
И в дыму моего костра
Паутиной над кленами будут висеть
Нити старого серебра...

П Е Р Е С Е Л Е Н И Е Д У Ш
избранные переводы

*Все переводы, за исключением "Ворона",
"Колоколов" и "Улалюм" Э.А.По, а также
трех стихотворений Л.Хьюза и "Мерани"
Н.Бараташвили, публикуются впервые.*

ДВА СОНЕТА

66.

Невыносимо все! Я смерть зову:
Я вижу - в нищете достойный бьется,
Ничтожный предается торжеству,
Коварство над доверием смеется,
Блеск почестей бесчестье золотит
И грязь ведет торговлю женской честью,
И совершенство стонет от обид,
И низость - на весьма высоком месте,
И власть искусству затыкает рот,
И тупость указывает путь науке,
И откровенность глупостью слывает,
И зло добру выкручивает руки...
Невыносимо все. Умру, усну.
Но как тебя оставить здесь одну?

90.

Ну что ж, возненавидь! Но пусть - сейчас,
Когда меня готов сожрать весь свет,
Стань злом, со злом судьбы соединишь,
Но не последней каплей в чаше бед!
Чтоб всю вражду судьбы преодолев,
Я не был смыт последнею волной,
Чтоб не сменился бурной ночи гнев
Днем, мертво морозящим надо мной.
Ну что ж, покинь меня, - но не тогда,
Когда иссякнет кладезь бед моих:
Пусть самая жестокая беда
Меня ударит раньше всех других -
Ведь все, что горем кажется теперь,
Пустяк перед потерей из потерь!

РУБАЙИ

Мудрейший, что в глубины знания погрузился,
Путь указав другим, в сиянье погрузился,
Сам выхода не мог найти из нашей тьмы,
Наплел нам сказок и... в молчанье погрузился.

Кто верит разуму - тот от быка
Надеется дожждаться молока.
За мудрость в наши дни и луковки не купишь,
Уж лучше вырядиться в дурака!

Эта чаша - о, как славит разум ее,
И целует в чело сотни раз он ее,
А Гончар, сотворивший сие совершенство,
Вдруг возьмет - и в осколки разом ее...

Марионетки мы, а небо - кукловод.
Тут нет метафоры - таков всей жизни ход:
На сцене бытия мы роль свою сыграем,
И глянь - хозяин нас опять в сундук запрет.

Мир повидав, ты повидал ничто.
Все что слышал, все что узнал - ничто.
Из края в край пройдя все горизонты,
Все, что домой ты натаскал - ничто!

Что праздность наша, муфтий, пред твоей?
Мы - пьяницы, и все же мы трезвей:
Ну рассуди-ка сам, кто кровожадней -
Мы кровь лозы сосем, ты - кровь людей!

Как мрачно! Музыки, скорей!
Лишь арфы звук поможет мне!
Пускай же под рукой твоей
Струна растает на струне,
Разбудит тень надежд во мне
Ее магическая речь,
Слеза блеснет в очах на дне
И мозг мой перестанет жечь!

Мрачна пусть будет песнь твоя!
Ты слышишь? Радость мне претит!
Певец, заплакать должен я,
Иль сердце тяжкое сгорит!
В ночи печалей и обид
Молчаньем мучалось оно,
И ныне - если не сгорит -
На милость песне отдано!

ОТРЫВОК
из поэмы "ГЯУР"

Когда рассудок омрачен
Преступной горестью страстей,
Он корчится, как скорпион,
Что извиваясь, окружен
Кольцом огня со всех сторон,
И в ярости своей
Один исход находит он:
Им яд смертельный сохранен,
И прежде, чем в огне сгорит,
Он жало в мозг себе вонзит.
Так входит в душу мрачный сон,
И разум, словно скорпион,
В кольцо стихии огневой
Забут и небом и землей:
Там нет надежд, здесь нет зари,
Огонь кругом, и смерть внутри!

ОДА ЗАПАДНОМУ ВЕТРУ

Вей, вольный вест, дух осени, о, ты,
Ты, перед чьим явлением незримым,
Как призраки от колдуна, листья

Желты, черны, чахоткою палимы,
Чумной толпой бегут издалека!
Ты, в колеснице нам везущий зимы,

Крылатым семенам твоя рука
Дает постель, где в черной почве стынет
Как труп в могиле каждое, пока

Рожок твоей сестры - весенней сини -
Холмам и долам возвратит, звеня,
Цвета и запахи в их прежней силе -

Дух буйный! Разрушая и храня -
Ты вездесущ! Услышь, услышь меня!

Ты, чей порыв с запутанных ветвей
Небес и моря, как листву гнилую
Срывает тучи, там, где дух дождей

И молний размахнулся, торжествуя,
Ты, чей поток сметает все подряд,
Сминая синевы волну тугую

И космы шторма, что в зенит летят
От края горизонта - непогода,
как волосы взбесившихся менад -

ты, реквием по умершему году,
Над чьей могилой ты воздвиг, стена,
Глухую мощь невысказанного свода,

Где черный дождь среди града и огня
Взрывает воздух! О, услышь меня!

Ты прерываешь летний полусон,
В который под хрустальный звон теченья
Весь берег Средиземный погружен,

Следя дворцов и башен отраженья
В заливе, перед пемзовой скалой,
Качающиеся в часы волненья...

А плющ и мох по камню голубой,
Лозу на скалах, тонкую, как волос,
Не описать! О, ты, под чьей стопой

Атлантика ущельем раскололась,
И в глубине, открывшись свету дня,
Морские чудеса узнают твой голос,

И все цвета на серый заменяя,
Дрожат перед тобой! Услышь меня!

Будь я листом сухим - меня б ты мчал,
Будь легкой тучкой - мчался б сам с тобою,
Будь я волною - ты бы, взвив мой вал,

Со мной делился мощью роковой...
Неукротимый, о, когда б я мог
Как в детстве улетать к тебе мечтою,

Опередив небесный твой поток,
Лететь туда, куда твой бег направлен,
И не молить, как ныне средь тревог:

"О, лишь бы не был я тобой оставлен!"
Неистов я как ты, но я тону,
Моим тяжелым временем придавлен.

Взметни с болот житейских в вышину
Меня как лист, как тучу, как волну!

Дай стать мне лесом - лирою твоей,
Чтобы смешать листвы моей паденье
С бунтующей гармонией ветвей!

Возьми все краски глубины осенней!
Дух пламенный, неистовый, будь мной!
Удобри почвы будущих рождений

Моих раздумий мертвою листвою,
Гони их по вселенной, листья эти,
Как заклинанием моей строкой

Камин притухший вздуй, чтоб всем на свете
Живые искры слов моих бросать,
И сам позволь моим устам, о, ветер,
Пророческой трубой к земле воззвать:
Зима пришла! - Весны не миновать!

Шарль Бодлер

МАЯКИ

Рубенс - позднее лето в цветеньи ленивом,
Пуховик, где от плоти устала любовь,
И колышется жизнь, словно волны прилива,
Словно марево в небе, лишенном ветров.

Леонардо - глубины зеркальных затмений,
Где улыбками ангелов отражены,
Проявляются лишь недоступные тени
Ледниками и соснами скрытой страны

Рембрандт - сумрак больницы, наполненной стоном,
Под гигантским распятым в пространстве ночном,
Где молитвы и слезы в тумане зловонном
Рассеченные зимним и резким лучем.

Микель-Анджело - страшный простор без предела,
Где повсюду Геракл перемешан с Христом,
Где в закат устремляя тяжелое тело,
Саван пальцами рвет исполинский фантом.

Эта ярость боксера, бесстыдство сатира -
В красоту обративший трущобную ржавь,
Ты - великое сердце средь чванного мира,
Хилый, желчный Пюже - горький царь каторжан.

А Ватто - карнавал полумасок влюбленных,
Где в хрустальных подвесках играет шандал,
И сердца, как порхающий рой махаонов,
Загораясь, летят в этот ветренный бал.

Гойя - рожи старух в зазеркальном кошмаре.
Голым девочкам мерит чулки сатана,
Ведьмы в черном котле чей-то выкидыш варят,
И соблазном несет от любого пятна.

Это озеро крови под зеленую елей,
Падших ангелов тайный и мрачный приют,
Это - Делакура, чьи фанфарные трели
Вздохам Вебера смолкнуть в лесу не дают.

Эти все богохульства, проклятья и крики,
Устремленье к восторгам, молитвам, слезам,
Это эхо в глуши лабиринтов безликих,
А для смертных - божественный тайный бальзам.

Это - крик часовых от столетья к столетью,
Зов стрелков, затерявшихся в чаще лесной,
Это - голос команды, грохочущий медью,
Это - свет маяков над стеной крепостной!

И воистину, Господи, лучший свидетель,
Что храним мы достоинство смертных людей,
Этот огненный вопль, эти волны столетий
У подножия вечной твердыни Твоей!

Эдгар Аллен По

ВОРОН

Мрачной полночью бессонной, я, смертельно утомленный,
В книги древние вникая, и стремясь постичь их суть,
Над старинным, странным томом задремал, и вдруг сквозь
дрему

Стук неясный в двери дома мне почудился чуть-чуть.
"Это кто-то, прошептал я, - хочет в гости заглянуть,
Просто в гости кто-нибудь."

Так отчетливо я помню: был декабрь, глухой и темный,
И камин не смел в лицо мне алым отсветом сверкнуть,
Я с тревогой ждал рассвета, в книге не было ответа,
Как на свете жить без света той, кого уж не вернуть,
Без Линор, чье имя мог бы только ангел мне шепнуть
В небесах когда-нибудь.

Шелковое колыханье, шторы пурпурной шуршанье
Страх внушало, сердце сжало, и чтоб страх с души стряхнуть
Стук в груди едва умеря, повторял я, сам не веря:
Кто-то там стучится в двери, хочет в гости заглянуть,
Поздно так стучится в двери, видно хочет заглянуть
Просто в гости кто-нибудь.

Молча вслушавшись в молчанье, я сказал без колебанья:
"Леди или сэръ, простите, но случилось мне вздремнуть,
Не расслышал я вначале, как вы в двери постучали,
Так вы робко постучали..." И решился я взглянуть,
Распахнул пошире двери, чтоб на улицу взглянуть -
Тьма - и хоть бы кто-нибудь!

Так стоял я на пороге в изумленьи и тревоге,
Так мечтать наш смертный разум никогда не смел дерзнуть..
И немая ночь молчала, тишина не отвечала,
Только слово прозвучало - кто мне мог его шепнуть?
Я сказал "Линор" - и эхо мне ответ могло шепнуть?
Эхо, или кто-нибудь?

Я в смятеньи оглянулся, дверь закрыл и в дом вернулся,
Стук неясный повторился, но теперь ясней чуть-чуть...
И сказал себе тогда я: "А, теперь я понимаю,
Это ветер, налетая, хочет ставни распахнуть.
Ну конечно, это ветер хочет ставни распахнуть...
Ветер, или кто-нибудь?

Но едва окно открыл я, - вдруг, расправив гордо крылья,
Перья черные взъероша и выпячивая грудь,
Загом вышел из-за штор он - с видом лорда древний ворон,
И, наверно, счел за вздор он в знак приветствия кивнуть,
Он взлетел на бюст Паллады, сел и мне забыл кивнуть,
Сел - и хоть бы что-нибудь!

В перья черные разряжен, так он мрачен был и важен,
Я невольно улыбнулся, хоть тоска сжимала грудь:
"Право, ты невзрачен с виду, но не дашь себя в обиду,
Древний ворон из Аида, пролетевший мрачный путь,
Ты скажи мне, как ты звался там, откуда держишь путь?"
Вдруг он каркнул: "НЕ ВЕРНУТЬ!"

Я не мог не удивиться, что услышал вдруг от птицы
Человеческое слово, хоть не понял, в чем тут суть,
Но поверят все, пожалуй, что обычного тут мало,
Ведь вовеки не бывало - кто слышал когда-нибудь,
Чтобы в комнате над дверью ворон сел когда-нибудь,
Ворон с кличкой "Не вернуть"?

Словно душу в это слово всю вложив, он замер снова,
Чтоб опять молчать сурово, и пером не колыхнуть,
"Где друзья? - пробормотал я, - и надежды растерял я,
Только он, кого не звал я, мне теперь терзает грудь...
Утром он в Аид вернется, и покой вернется в грудь...
Тут он каркнул: "НЕ ВЕРНУТЬ!"

Вздрогнул я от звуков этих, так удачно он ответил.
Я подумал: "Несомненно, он слышал когда-нибудь
Слово это слишком часто, повторял его всечасно
За хозяином несчастным, что не мог и глаз сомкнуть,
Для кого последней песней, воплотившей жизни суть
Стало это "Не вернуть!"

И в упор на птицу глядя, кресло к двери и к Палладе
Я придвинул, улыбнувшись, хоть тоска сжимала грудь,
Сел, раздумывая снова, сто же значит это слово,
И на что вещун сурово мне пытался намекнуть?
Древний, темный, тощий ворон мне пытался намекнуть,
Грозно каркнув "НЕ ВЕРНУТЬ!"

Так сидел я размышляя, тишины не нарушая,
Чувствуя, как злобным взором ворон мне терзает грудь,
И на бархат однотонный, тусклой люстрой освещенный,
Головою утомленной я склонился, чтоб уснуть...
А ее, что так любила здесь на бархате уснуть,
Никогда уж не вернуть!

Вдруг - как звон шагов по плитам на полу, ковром покрытом
Словно в славе фимиама серафимы держат путь!

"Бог, - вскричал я в испуге, - шлет от страсти
избавленье!

Пей, о, пей Бальзам Забвенья - и покой вернется в грудь!
Пей, забудь Линор навеки - и покой вернется в грудь!"
Каркнул ворон: "НЕ ВЕРНУТЬ!"

УЛАЛЮМ

Было небо сурово и серо,
Листья были так хрупки и сиры,
Листья были так вялы и сиры,
Был октябрь. Было горе без меры.
Было так одиноко и сыро
Возле озера духов Обера,
В странах странных фантазий Уира.

Вдоль рядов кипарисов-титанов
Брел вдвоем я с душой моей,
Брел с Психеей, душой моей.
Что-то в сердце моем непрестанно
Клокотало слышней и грозней,
Бушевало сильнее и грозней,
Словно серный поток из вулкана,
Там, где правит холодный Борей,
Там, где полюсом правит Борей!

Наша речь была ровной и серой,
Мысли были так хрупки и сиры,
Листья памяти - вялы и сиры;
В Ночь Ночей, когда горю нет меры,
Не узнали мы странного мира,
Хоть однажды из нашего мира
Мы спускались в долину Обера,
Был октябрь... Было мрачно и сыро...
Но забыли мы духов Обера
И вампиров и чащи Уира...

Звездный круг - в предрассветной тревоге...
Ночь осенняя шла на ущерб,
Ночь туманная шла на ущерб,
И в конце нашей узкой дороги
Поднимался мерцающий серп,
Разливая сиянье, двурогий,
Станным светом сверкающий серп,
Серп далекой Астарты, двурогий
И алмазно-блистающий серп.

И сказал я: "Так льдиста Диана -
Лик Астарты теплой и добрей,
В царстве вздохов она - всех добрей:
Видя, как эту грудь непрестанно
Гложет червь и огонь всех огней,
Сквозь созвездие Льва из тумана
Нам открыла тропинку лучей,
Путь к забвенью - тропинку лучей.
Мимо злобного Льва из тумана
Вышла с тихим свеченьем очей,
Через логово Льва, из тумана
К нам с любовью в свеченьи очей!"

Но ответила тихо Психея:
"Я не верю сиянью вдали,
Этой бледности блеска вдали!
О, спешите же, не верю звезде я,
Улететь, улететь повели!"
Говорила, от страха бледнея
И крыла опустив. И в пыли
Волочились они по аллее,
Так, что перья купались в пыли,
Волочились печально в пыли...

Я ответил: "Отбросим сомненья -
Нам навстречу блистают лучи!
Окупись в голубые лучи!
И поверь, что надежд возвращенье
Этот свет предвещает в ночи.
О, смотри: он мерцает в ночи!
О, доверься, доверься свеченью,
Пусть укажут дорогу лучи,
Что сквозь мрак замерцали в ночи!"

Поцелуй успокоил Психею
И сомненья покинули ум,
Мрачным страхом подавленный ум.
И пошли мы. И вдруг на аллее
Склеп возник, несказанно угрюм.

"О, сестра, этот склеп так угрюм!
Вижу надпись на створках дверей я...
Почему этот склеп так угрюм?
И шепнула она: "УЛАЛЮМ..."
Здесь уснула твоя Улалюм..."

Стало сердце сурово и серо,
Словно листья, что хрупки и сиры,
Словно листья, что вялы и сиры...
"Помню! - вскрикнул я, - горю нет меры!
Год назад к водам странного мира
С горькой ношей из нашего мира
Шел туда я, где мрачно и сыро...
Что за демоны странного мира
Привели нас в долину Обера,
Где вампиры и чащи Уира?
Это - озеро духов Обера,
Это - черные чащи Уира!"

Мы воскликнули оба: "Ведь это -
Милосердие демонов, но
Нам теперь показало оно,
Что к надежде тропинок нам нет, и
Никогда нам узнать не дано
Тайн, которых нам знать не дано!
Духи к нам донесли свет планеты,
Что в inferно блуждает давно,
Свет мерцающей, грешной планеты,
Что в inferно блуждает давно!"

ЭЛЬДОРАДО

В броне стальной
И в полдневный зной
И в ночи, что чернее ада,
Рыцарь песни пел,
Весел и смел,
В поисках Эльдорадо.

Был он молод и смел,
Но и он постарел,
И на сердце - сумрак ада...

Он искал много лет -
В мире места нет,
Похожего на Эльдорадо.

Вот уж сил лишен,
Встретил странника он,
Подобного тени ада:
"Тень, ты скажешь ли мне
Где, в какой стороне
Может быть страна Эльдорадо?"

Сквозь ночь и день,
Сквозь свет и тень,
Через горы луны и пропасти ада
Пусть только вперед
Отвага ведет,
Если хочешь найти Эльдорадо!

КОЛОКОЛА

1

Слышишь санки за холмом?
Серебром
Разольют веселье колокольчики кругом!
Колокольчик льется, льется,
Пронизав мороз ночной,
Звоном в небе отдается,
Хрусталинками смеется
Звездный рой,
Ритм размеренный храня,
Тайной древних рун звеня,
Расплеснулся колокольчик переливом голосов,
Колокольчик, колокольчик,
Колокольчик, колокольчик,
Звонко-льдыстым, серебристым переливом голосов!

2

Слышишь колокол другой?
Золотой?
Свадебного колокола голос над землей?
Над ночным благоуханьем
Провожает ликованьем

Звонко колокола соло,
Золотой
Звон литой,
Мелодичный, плавный глас -
Как воркующий с голубкой юный голубь под луной!
О, мажор колоколов!
Проливая звуков ливни, затопить он все готов,
Этот зов,
Зов без слов,
В днях грядущих, для живущих,
Для восторгов вечно нов!
О, качанье и звучанье золотых колоколов,
Колокольных голосов,
Колокольных, колокольных, колокольных голосов,
В звоне ясных и согласных колокольных голосов!

3

Слышишь ты набата звон?
Бронзой он
Раскатился и тревогой нарушает сон!
У ночных небес в ушах
Воплем бронзы воет страх!
Голос колокола дик:
Только крик, крик, крик!!!
Жутко воя,
Он вымаливает, плача, снисхождение у огня,
У проклятого, глухого, сумасшедшего огня!
Скачет пламя, пламя, пламя
Исступленными прыжками,
Ввысь отчаянно стремится,
Чтобы взвиться и кружиться,
Алым дымом белый месяц заслоня!
Голоса колоколов
Словно отзвук грозных слов
Долетают,
Голоса колоколов -
Неумолчный, жуткий рев
В недра стонущих ветров
Изливают!
Различает слух людской
Звон нестройный, беспокойный,
Звон, захлестнутый бедой!

Слух в гудении басов

Различает,

Как спадает

Гул гнусавых голосов...

Отдаляется опасность - глуше рев колоколов,

Зов басов,

Колокольных, колокольных, колокольных голосов,

В диком лязге, в жуткой пляске

Колокольных голосов!

4

Слышишь в воздухе ночном

Чугуном

Колокола реквием разносится кругом?

И в молчании в ночах

Нам в сердца вливает страх

Угрожающе-спокойный, ровный тон:

Каждый звук из глотки ржавой

Льется вдаль холодной лавой,

Словно стон...

Это только тем не больно,

Кто живет на колокольне

Под крестом,

Тем, кто жизнь проводит в звонах,

Монотонно-приглушенных,

Кто восторг находит в том,

Что ночной порою нам

Камни катит по сердцам!

Не мужчины и не женщины они, а звонари,

И не звери и не люди все они, а упыри!

А король их тот, кто звоном

Будит, будит исступленно

Торжество колоколов!

Ходит грудь его волною,

Пляшет он, смеясь и воя,

Под пеан колоколов!

Тайну времени хранит он,

В ритме древних рун звонит он,

В торжестве колоколов,

Колоколов!

Мчись, Мерани, мчись, пусть летят назад кручи горные,
Чтобы встречный вихрь уносил мои думы черные!

Пусть не будет моей могилы; в той стране, что я звал
родной,
Пусть любимая не уронит слезы скорби на камень мой,
Черный ворон мне яму выроет
В чистом поле, в земле чужой,
Разметут мой прах ветры буйные,
И расплачутся надо мной.

Обреченной души стремление
понапрасну не пропадет:
Ведь тропу, что тобой протоптана,
незнакомый собрат найдет,
Нам вослед он по ней промчится,
Скорбный путь повторяя мой,
Чтоб скакун бесстрашный унес его,
И вознес его над Судьбой!

Мчись, мой гордый конь, без дорог и троп,
в непроглядной мгле,
Взором ночь сверля, что-то каркает черный ворон мне,
Мчись, Мерани, мчись, пусть летят назад кручи горные,
Чтобы встречный вихрь уносил мои думы черные...

Редиард Киплинг

КОГДА...

Когда ты тверд, а весь народ растерян
И валит на тебя за это грех,
Когда никто кругом в тебя не верит -
Верь сам в себя, не презирая всех.
Умей не уставать от ожиданья,
И не участвуй во всеобщей лжи,
Не обращай на ненависть вниманья,
Но славой добряка не дорожи!

Когда из мысли не творишь кумира,
Мечтая, не идешь к мечте в рабы,

Сочтя всю славу и бесславье мира
Одним и тем же вывертом судьбы,
Молчишь, когда твои слова корежа,
Плут мастерит капкан для дураков,
Когда все то, на что твой век положен,
Вновь собирать ты должен из кусков, -

Когда рискнешь, поставив на кон снова
Весь выигрыш, - и только для того,
Чтоб проиграть и ни единым словом
Не выдать сожаленья своего -
Когда назло усталости и боли
Заставишь сердце жизнь тащить твою,
Хотя в нем все иссякло, кроме воли,
Еще твердящей "нет" небытию, -

Когда толпе не льстишь улыбкой низкой,
А с королем не лезешь в короли,
И знаешь, что ни враг, ни друг твой близкий
Тебя ударить в спину не смогли,
Когда поняв, что время не прощает,
Секундной стрелкой меряешь скачку дней,
Тогда ты в мире истинный хозяин,
Тогда ты - ЛИЧНОСТЬ, что еще важней!

В ЭПОХУ НЕОЛИТА...

В кроманьонский дикий век вел я бой за устья рек,
За еду, за шкуры диких лошадей...
Я народным бардом стал, все, что видел, воспевал,
В этот сумрачно-рассветный Век Людей.

И все ту же песнь свою, что и нынче я пою,
Пел я той доисторической весной.
Лед уплыл в морской простор.

Гномы, тролли, духи гор
Были рядом и вокруг и надо мной.

Но соперник из Бовэ обозвал мой стиль "мовэ",
И его я томагавком критикнул,

Так решил в искусстве спор диоритовый топор
И граверу из Гренель Башку свернул.

Тот гравер был страшно дик: он на мамонтовый клык
Непонятные рисунки наносил!
Но хорошее копые понимание м о е
В сердце врезало ему по мере сил.

Снял я скальпы с черепов, накормил отменно псов,
Зубы критиков наклеив на ремни,
Я изрек, разинув пасть: "Им и надо было пасть:
Я ведь знаю, что халтурщики - они!

Этот творческий скандал идол-предок наблюдал,
И сказал мне, выйдя ночью из-под стрех,
Что путей в искусстве есть
семь и десять раз по шесть,
И любой из них для песни - лучше всех!

.....
Сколько почестей и славы! А боец-то был я слабый!
Времена мне указали путь перстом,
И меня называли снова "Бард Союза Племенного"
Хоть поэт я был посредственный при том.

А другим - всю жизнь забота: то сраженья, то - охота,
Сколько зубров мы загнали - счету нет!
Сваи в озеро у Берна вбили первыми, наверно,
Жаль, что не было ни хроник ни газет!

Христианская эпоха нас изображает плохо:
Нет грязнее нас, крикливее и злей...
Только мы и дело знали: шкуры скоро поскидали
И работать научили дикарей!

Мир велик! И в синей раме замкнут он семью морями,
И на свете разных множество племен,
То, что в Дели неприлично, то в Рейкъявике обычно,
Из Гаваны не получится Сайгон!

Вот вам истина веков, знавших лишь лосиный рев
Там, где в наши дни - Парижа рев и смех:
Да, путей в искусстве есть семь и десять раз по шесть,
И любой из них для песни - лучше всех!

Роберт Фрост

ПЕСНЯ В БУРЮ

Рваные тучи от края до края,
Пустая дорога блестит,
Искрами кварца брызги, взлетая,
Смывают следы копыт,
Цветов придорожных краски напрасны,
Пчел отпугнули дожди,
Будь милой моей в этот день ненастный,
Сквозь бурю и дождь приди!

Умолкли птицы, что пели весной,
Не слышно их голосов,
Наполнен отчаяньем мир лесной,
Эльфы ушли из лесов,
Песня, звеневшая на лепестках,
Осыпалась, не кружит...
Будь моей милой в промокших лесах,
Где дождь на ветвях дрожит.

Толкни калитку, и вместо ответа
Все кругом запоеет,
В лужах вода зарябит от ветра,
Рвущего платье твое,
Пойдем на закат. Не беда, если даже
Ноги промочишь чуть-чуть...
Свежесть осеннего золота ляжет
Брошкой на мокрую грудь...

Ветер такой, словно волны морские
Вернулись туда, где они
Оставили раковины в былые,
Доледниковые дни,

Как будто прежде, давнее счастье
Вернули эти дожди...
Будь моей милой, милой в ненастье,
Сквозь бурю и дождь - приди!

Ленгстон Хьюз

ПЫЛИНКА МЕЧТЫ

Перекопай
Звездную пыль
Пыль песков,
Пыль облаков,
Пыль штормов -
Где-нибудь да найдется
Хотя бы одна пылинка мечты,
Которая не продается!

ТРУБАЧ

Щеки негра...
Пляшет медная труба,
И усталость -
Словно луны под глазами,
Словно тлеющая в памяти судьба
Раба
Оживает кораблями и кнутами.

Щеки негра...
Пляшет медная труба.
Капли пота
В волосах блестят примятых,
Этот блеск над черной кожей,
Так похож он
На корону, где блестят
Агаты.

Мелодия
/Пляшет медная труба!/
Так льется
С медом смешанное пламя...
А ритмы -
/Пляшет медная труба/

Исступленьё,
Обойденное страстями.

Страстями...
Как рвались они к луне!
Но прожектор, не луна перед глазами...
Страстями!
Как рвались они к морям...
Стекла бара представляются морями!

Щеки негра...
Пляшет медная труба.
Манишка
Отливает белизной.
Негр не знает,
Где мелодия споткнется, оборвется, как судьба,
Ранив душу неожиданной иглой...

Но
Горе
Через медный зев плывет,
Смягчаясь
В золотые брызги нот.

ПЬЕРО

Взял Пьеро свое сердце
И повесил на придорожном заборе.
"Эй, - кричал он, - смотрите, прохожие,
Вот мое сердце!"
Но никто и не оглянулся:
Никто не думал об эдаком вздоре,
О том, что висит
Сердце Пьеро у всех на виду, на заборе...
И взял Пьеро свое сердце,
И спрятал подальше от равнодушных глаз.
И сразу стало всем интересно:
А где оно, сердце его, сейчас?

Роберт Хайнлайн

ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ ЗЕМЛИ

Дай, судьба, мне последнюю посадку,
Там, где жизнь мои предки прошли,
Дай увидеть покров голубых облаков
И зеленые холмы

Земли.

Не отвыкнуть от вахты бессонной,
Не забросить нам дело свое...
"По местам! Приготовься! Невесомость!"

И уходит Земля в забытье...
Каждый рейс объявляем последним,
И подружки нам верить должны -
Мы ведь верим в красивые бредни
О сверкающей почве Луны,
Хоть видали мы ее грязно серой.
Наша вера, ты опять на мели,
И опять далеки города, кабаки
И зеленые холмы

Земли.

Мы бродили в пустынях Марса,
И пески пожирали нас
Там, где скалы лиловой массой
Заслоняют звезды от глаз,
Мы блевали в болотах Венеры,
От запаха собственных ран,
В мокрых джунглях клубился серый
И кишасий смертями туман..
Дунь скорее нам в лицо, добрый ветер,
Чтобы снова вздохнуть мы могли,
И дышать тишиной на планете родной,
На зеленых холмах

Земли!

А на радужных кольцах Сатурна
Есть у каждого память своя:
В глыбу льда замурована урна -
Вековечной орбиты, друзья...
Аммиачного снега бураны,
Камнепады Плутона - не беда,

Но промерзлые ночи Титана
Оседают в крови навсегда...
Мы обшарили все шарики в Пространстве,
Мы их видели вблизи и вдали,
Дай, судьба, нам опять дом родной увидеть
И зеленые холмы

Земли...

Но Пространство зовет бѣспокойно.
Значит - снова на борт корабля.
"Старт-сигнал! К перегрузке! По койкам!"
И опять провалилась Земля!
Нас уносят как прежде ракеты
Сквозь дрожащий межзвездный туман.
До последнего края света
Долетят железяки землян,
НО...

дай, судьба, нам последнюю посадку
Там, где все мы родились и росли,
Дай увидеть покров голубых облаков
И зеленые холмы

Земли!

БАШНИ МАРСА

Пространство и Время в который раз
Пришли на круги своя,
И звездный свод горит серебром,
Горькое счастье тая.
И охраняя Большой Канал, в его воде дрожа,
Тут Башни Истины стоят, ажурней миража.

Давно истлели строители их,
Забята мудрость богов,
Чьи слезы поныне плещут в грань
Хрустальных берегов,
И сердце Марса едва стучит
Под небом ледяным,
И ветер беззвучно шепчет, что смерть
Придет за всем живым,
А башни - все те же, и гимн красоте
Звучит, как встарь звучал,
Дано ей одной любоваться собой,
Глядясь в Большой Канал...

Жак Брель

НЕ ГОНИ МЕНЯ...

Не гони меня,
Можно все забыть,
Можно все простить,
Что смели года,
Злые дни забыть,
Наважденья ссор,
Каждый мелкий спор -
Как нам дальше быть...
Горечь тех минут,
Что сразмаху бьют
Счастье по сердцу
На исходе дня...
Не гони меня,
Не гони меня...

Я тебе отдам
Жемчуга дождей,
Из неизвестных стран,
Где дождя не жди,
Будь в могиле я -
Землю бы разрыл,
Но тебя укрыл
В золотой туман...
Для тебя одной
Царство сотворить,
Где любовь - закон,
Где любовь - твой трон,
Где тебе царить.
Не гони меня,
Не гони меня...

Не гони меня -
Я спю тебе
Мой блаженный бред
О твоей судьбе,

Расскажу о тех,
Кто в счастливый миг
Высек вновь огонь
Из сердец пустых.
Расскажу о том
Короле седом,
Что не мог прожить
Без тебя и дня...
Не гони меня,
Не гони меня...

Ведь случается,
Что седой вулкан
Пробуждается,
Промолчав века.
Ведь бывает так,
Что горит стерня,
Но растут хлеба
По следам огня!
Ведь закат все равно,
Наступает так,
Чтобы слить в одно
И огонь и мрак...
Не гони меня,
Не гони меня...

Ты ни слез ни слов
Не услышишь впредь,
Тихо спрячусь я
На тебя смотреть,
Слушать голос твой,
Видеть танец твой,
Слышать смех живой...
О, позволь, позволь
Превратиться в тень,
В тень моей тоски,
В тень твоей руки,
В тень собаки той,
Что всегда с тобой...
Не гони меня,
Не гони меня...

НА ПЛОЩАДИ

Площадь вся погружена
В раскаленный жар камней,
Пляшет девушка, одна,
Как плясунья прежних дней.
Город зноем усыплен,
Люди впали в забытье,
И, клонясь в полдневный сон,
В окна смотрят на нее...

Так возникнет в некий час
В нашем взгляде огонь живой -
В церкви говорят у нас,
Будто это - Дух святой,
Для влюбленных - это любовь,
Для земли - теплынь с утра,
Милостыня для бедняков,
А для добрых - свет добра.

Воздух от жары дрожит.
А на площади - ни пса,
Только девушка кружит,
Изгибаясь, как лоза.
И гитары нет у ней,
Даже бубен не звучит,
Будит отзвуки камней
Каблучков дрожащий ритм...

Так возникнет в некий час
В нашем взгляде огонь живой -
В церкви говорят у нас,
Будто это - Дух Святой,
Для влюбленных - это любовь,
Для земли - теплынь с утра,
Милостыня для бедняков,
И для добрых - свет добра...

А на площади - покой.
Только девушка поет.
Это - гимн любви живой

Вдаль над крышами плывет.
Город зноем усыплен,
Окна все спешат закрыть,
Словно жаждут мертвецов
От живых отгородить...

Возникает в некий час
В нашем сердце яркий свет,
Но спокойнее для нас,
Если света в сердце нет.
Мы спешим глаза закрыть,
Уши заткнуть,
 чтоб до конца
Не посмел никто будить
Наши старые сердца...

Воет в городе пустом
Пес над площадью пустой,
И как пес над мертвецом
Люди воют над судьбой...

НЕ ПОМЫШЛЯЙ ЗАБЫТЬ...

Не помышляй забыть,
Забыть и то и се,
Не может быть - забыть:
Привыкнуть? Да. И все...

Ни плаванья, ни корабли,
Ни волны, что тебя несли
От берегов до берегов,
От моряков до моряков,
Ни маяки, ни кабаки,
Ни эти приступы тоски,
Ни виски горького стакан,
Что заменяет нам экран,
Ни наши мысли, ни дела,
Ни что еще там может быть,
Нам не отбросить, не забыть,
Как верно, что Земля кругла...

Ни эти "жди", ни эти "да",
И "никогда" и "Навсегда",
Когда гоняет нас любовь
Из хмеля в хмель, из боли в боль,
Ни ту единственную ночь,
В кольце сведенных женских рук,
Ни обещанья новых встреч,
Что размыкают этот круг,
Ни наши мысли, ни дела,
Ни что еще там может быть,
Нам не отбросить, не забыть,
Как верно, что Земля кругла...
Не помышляй забыть,
Забыть и то и се,
Не может быть - забыть.
Привыкнуть? Да. И - все...

Ни день, в который я спою
Всю память горькую мою,
Ни день, который сеть морщин
В одну улыбку заключит,
Ни ту постель, где совесть ждет
С тобой свиданья, смертный пот,
Постель, которую порой
Я жду, как лучший праздник свой,
Ни наши мысли, ни дела,
Ни что еще там может быть,
Нам не отбросить, не забыть,
Как верно, что Земля кругла...
Не помышляй забыть,
Забыть и то и се,
Не может быть - забыть.
Привыкнуть? Да. И - все...

КНИГИ ВАСИЛИЯ БЕТАКИ

ЗЕМНОЕ ПЛАМЯ Стихи. "Сов. писатель" 1965

ЗАМЫКАНИЕ ВРЕМЕНИ "Editeurs reunis" 1974

ПЕРЕВОДЫ

Байрон, В. Скотт, Л. Хьюз, К. Паламас .Р. Киплинг,
Э. А. По, Й. Станишич, В. Гете. О. Туманян, У. Шекспир,
Я. Сейферт, Н. Бараташвили, Шоке Гасан
и другие классические и современные
поэты в различных сборниках и собраниях
сочинений /Издательства "Художественная
литература", "Сов. писатель" и др./

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Несложно дверь сорвать с петель.....	5
ЕВРОПА - ОСТРОВ.	
Фуга	8
Снег в Париже	10
Букинист	11
Уходит женщина во мрак.....	12
"Эскаль"	13
Обратная причинность	14
Сонет	16
"Спи, спи - дождик идет..."	17
Морэ	18
Париж цыганский	19
Ты за что и кому... ..	20
Три обезьяньих божества... ..	21
Тиррения	22
Римская баллада	23
Вечер	24
Тиволи	25
Письмо м-ру Шерлоку Холмсу	27
Когда Каноссой обернется Мекка... ..	28
Пока не требовал поэтов... ..	29
Туманен бег варяжских парусов... ..	30
Америка	31

КИТЕЖ

Китеж /поэма/	34
Острова на Шексне	41
Писать стихи на птичьем языке... ..	42
От Китежа до Петербурга... ..	43
Храм на крови	44
Монолог Александра Второго	45
Что было вчера... ..	46

П и т е р с к и е и д и л л и и

1.Набережная	47
2.Сад	48
3.Космос	48
4.Город	48

5. Проспект	49
6. Залив	50
7. Вокзал	50
8. Путь	50

Из-под пепла

1. Посидеть поразмыслить...	52
2. Я краду тебя...	52
3. В коричневых листьях черешни...	53
4. Молитва	54
5. Вся ночь - из черного огня...	55
6. И снова битва насмерть...	56
7. В узловатых стволах...	56

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ / избранные переводы/

У. Шекспир. Два сонета	59
Омар Хайям. Рубайи	60
Д. Байрон.	
Как мрачно! Музыка, скорей!	61
Отрывок из поэмы "Гяур"	61
П. Шелли. Ода западному ветру	62
Ш. Бодлер. Маяки	64
Э. А. По.	
Ворон	65
Улалюм	69
Эльдорадо	71
Колокола	72
Н. Бараташвили. Мерани	75
Р. Киплинг.	
Когда... ..	76
В эпоху неолита... ..	77
Р. Фрост. Песня в бурю	79
Л. Хьюз.	
Пылинка мечты	80
Трубач	80
Пьеро	81
Р. Хайнлайн.	
Зеленые холмы Земли	82
Башни Марса	83

Жак Брель.

Не гони меня...	84
На площади	86
Не помышляй забыть...	87

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РИТМ

Вышли из печати следующие
книги

Виолетта Иверни СТИХИ

Елена Игнатова СТИХИ О ПРИЧАСТНОСТИ

Россия смеется над СССР (анекдоты)

Василий Бетаки ЕВРОПА - ОСТРОВ

*Европа - остров. Тесно городам
Отмеченным кривой печатью Рока.
Имперской Вены темное барокко
И акварельно-тихий Амстердам,*

*Базарный Рим, пустивший стадо в храм,
Бульварная парижская морока,
Печальный Лондон в ожидании срока,
Берлин - почти смертельно - пополам.*

*Женева дрохнет в плюшевой шкатулке.
Москва бетоном душит переулки.
И в лихорадке мечется Мадрид.*

*Так чем дышать? Один остался город,
(И то лишенный имени!), в котором -
Вода, колонны, ветер и гранит.*

